

О ПЕТРОВОЙ В. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПЕТРОВА Вера Константиновна, родилась в 1870 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию, Педагогический институт и педагогические курсы, затем училась в Сорбонне в Париже, преподавала там французский язык детям бедноты, в 1899 — вернулась в Россию. Проживала в Петербурге, преподавала французский язык в гимназии, на курсах, в Педагогической Академии; с 1919 — преподавательница, затем — профессор по кафедре французского языка и методики, заведующая Французским Отделением. С 1921 — лектор и старший ассистент в ЛГУ; преподавала также на Фонетических курсах, на курсах языков при Герценском институте, в Фонетической школе, в 1929-1930 — преподавала аспирантам Академии Наук. 20 апреля¹ 1930 — арестована по групповому делу, 14 июня приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь².

В октябре 1930 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее тетя, Александра Петровна Токоревская.

<30 октября 1930>

«Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой обратить внимание на тяжелое положение моей племянницы, Веры Константиновны Петровой, и как-нибудь облегчить ее участь.

В. К. Петрова, преподавательница французского яз<ыка> в Л<енинградском> Г<осударственном> У<ниверситете>, в Институте им<ени> Герцена и на Гос<ударственных> курсах иностранных языков, приговорена к ссылке в Сибирь на 3 года, а между тем ей 60 лет, и она страдает нервною болезнью сердца, общим склерозом и слабостью зрения.

Насколько можно судить по единственному допросу ее у следователя, т<оварища> Драгунова, ей вменяется в преступление то, что, когда несколько лет тому назад при Доме Просвещения организовался кружок учительниц французского языка, эти учительницы просили Веру Константиновну руководить их занятиями, и она согласилась работать с ними без всякой платы, но, затрудняясь выходить по вечерам из-за очень сильной близорукости, предложила собираться у нее на квартире. Дело пошло, преподавательницы стали приходить очень охотно, и Вера Константиновна вправе была ожидать, что лица, хлопотавшие об устройстве занятий, позаботятся, по крайней мере, о формальной стороне дела (регистрации). Это, однако, не было сделано, и вот теперь, в благодарность за все свои труды, оказалась виновною только одна Вера Константиновна, которая никогда никакой политикой не занималась, а всегда ставила себе одну только цель — путем практики закреплять познания во французском языке. Что тут не было ничего политического и никакой организации, это подтверждается также и тем, что из приходивших к ней лиц ни одно не подверглось обвинению, а пострадала только она одна, 60-летняя учительница, положившая все свои знания, силы и здоровье на дело просвещения.

В настоящее время В. К. Петрова еще не уехала из Ленинграда и находится в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> (3-е отд<еление>, 40-я камера). Вот почему я и решаюсь обратиться к Вам, Екатерина Павловна, и просить Вас сделать, что возможно, для моей племянницы. Может быть, дело ее еще может быть пересмотрено, и

¹ Так в "Обвинительном заключении", хотя была арестована в день приговора, который ей и зачитали в квартире во время ареста.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

приговор отменен или, по крайней мере, смягчен, в том смысле, что ссылка в Сибирь может быть заменена высылкою в какую-нибудь не столь отдаленную местность РСФСР, где бы климат и условия жизни не были так тяжелы для старой, больной и одинокой женщины, и где она могла бы найти хоть какой-нибудь заработок и пользоваться медицинской помощью.

Я сама поддержать ее ничем не могу, потому что до сих пор жила на ее иждивении, и с ее ссылкой мы обе лишаемся всяких средств к существованию, т^{ак} к^{ак} я ничего не имею, никакой пенсии не получаю и заработать ничего не могу, потому что мне уже скоро 70 лет.

С надеждою на Ваше доброе сердце, буду с нетерпением ожидать Вашего ответа.

Александра Петровна Токоревская.

Ленинград.

Васильевский Остров, 12-я Линия, д^{ом} № 31^б, кв. 22»³.

В начале июля 1931 — Вера Константиновна Петрова обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<3 июля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Позвольте еще раз привлечь Ваше внимание к моему делу.

Моя биография. Я родилась 5/II 1870 г^{ода}, окончила (с зол^{отыми} медалями) гимназию и Педаг^{огические} Курсы (после Пед^{агогического} Инст^{итута} им^{ени} Герцена), потом училась в Парижском Университете (Collège de France и Sorbonne). Дочь преподавателя р^{усского} яз^{ыка} и слов^{есности} Конст^{антина} Петр^{овича} Петрова (автора многих учебников и историч^{еской} хр^{естомат}ии), я всегда интересовалась преподаванием и, еще совсем юная, занималась родн^{ым} яз^{ыком} около 8 лет с детьми беднейшей части населения (в так наз^{ываемом} Казанском приюте). Вернувшись в 1899 г^{оду} из Парижа, я стала препод^{авательницей} франц^{узского} языка в VI гимн^{азии} (у Чернышева Моста), и это был первый опыт преподавания женщины в мужской средн^{ей} школе. Кроме того, я преподавала в Народн^{ом} Университете (на Гагаринской), на Курсах при Округе, в Педагогич^{еской} Академии; с 1919 года была (до 1921 г^{ода}) сначала преподавательницей, а потом профессором по кафедре франц^{узского} языка и методики, и заведовала Франц^{узским} Отд^{елением}; с 1921 (или 22) была лектором и старш^{им} ассист^{ентом} в ЛГУ; также преподавала на Фонет^{ических} Курсах, на Курсах языков при Герц^{енском} Инст^{итуте}, на Госуд^{арственных} Курсах, и во всех этих учрежд^{ениях} заведовала Франц^{узскими} Отд^{елениями}; также преподавала в Фонет^{ической} Школе. В учебный 1929-30 г^{оды} преподавала аспирантам Академии Наук. Есть у меня и печатные труды литер^{атурного} и научного хар^{актер}а. Обстановка моей жизни. Мой отец, мой брат (проф^{ессор} ЛГУ Дим^{итрий} Конст^{антинович} Петров), а также и я, собрали большую библиотеку по русской, западно-евр^{опейской} и восточной филологии; ко дню преждевременной кончины моего брата она содержала 10000 хорошо подобранных томов. Желая сохранить своих "любимых друзей — книги" неприкосновенными хотя еще несколько лет, мой брат подарил нашу библиотеку Академии Наук, с условием, что библи^{отека} останется там и такой, как было при его жизни, а я буду назначена ее хранительницей. С мая 1925 г^{ода} по 27 Июня 1930 я берегла библиотеку и ухаживала за ней, как за любимым детищем моего брата, поддерживая ее и своим

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 495. С. 76-77. Автограф.

трудом, и своим заработком (Акад<емия> давала мне ежемесячно 30 руб<лей>. Почему 30? — Потому что при вопросе заведующего Инстр<анным> Отд<елом> Библ<иотеки> Ак<аде-мии> Н<аук> в 1925 о плате за площадь, отопление, освещение, уход за книгами и выдачу книг, я подумала: "Пожалуй, 20 руб<лей> будет мне совсем мало", — и сказала: "Нельзя ли назначить мне 30 рубл<ей>?") Кроме книг, брат подарил библ<иотеке> все свои рукописи (кажется 34 номера); из них я напечатала на свой счет (на мой заработок) две пьесы Лопе-де-Вега и одну Уэбстера (переводы в стихах).

Как видите, я жила в большой квартире, — и это послужило причиной в некот<ором> отношениях того, что было дальше.

То, в чем меня обвиняют. В октябре 1925 г<ода> (это было для меня тяжелое время: в мае скончался мой брат, и горе мое было такое, что страшно вспомнить, — да и теперь оно не прошло) ко мне пришла одна препод<авательница> франц<узского> языка, кот<орую> я немного знала, как бывш<ую> мою слушат<ельницу> по Пед<агогической> Академии, и просила меня "быть душой" франц<узского> кружка, кот<орый> имеет образоваться при Доме Ученых. На первом собрании подняли вопрос о назначении меня "ответственным руководителем" кружка. Я сказала, что на эту роль не гожусь, п<отому> что по природе не интересуюсь, так сказать, техникой политики (хотя отечество горячо люблю и широкую политику тоже, понимая интерес к ней, как благожелательное участие в строительстве, благожелательную помощь правителям, кот<орые> являются специалистами в своей области, как я — в своей). Я поставила одно условие: собираться у меня (в Библ<иотеке> моего брата), а не на Мойке 94, т<ак> к<ак> я вижу очень плохо от природы, и ходить вечером по темной и скользкой набережной мне почти невозможно. Вопрос об "ответст<венном> руководителе" отпал сам собой, т<ак> к<ак> устроителям ответили, что средства на этот год уже распределили, и нам предложили "собираться на началах самодеятельности". Я вообще равнодушна к деньгам, и в этом случае тоже оставила это без внимания. Так возник наш Тоуег francais, маленький, верьте, совершенно невинный и наивный кружочек, где перекладывали прочитанные книги из библ<иотеки> моего брата, иногда играли старомодные пьески (п<отому> что именно их можно было достать). Для меня это было скучновато, но я всегда доброжелательно поддерживала Тоуег, п<отому> ч<то> любители франц<узского> языка теперь почти не находят практики. Дама, кот<орая> пришла просить меня "быть душой", называлась у нас шутя pre'sidente, и, кроме названия, у нее никаких функций не было. Последние два года Тоуег стало гаснуть, и вместо 6-8-10 чел<овек> приходили одна-две-три, вероятно, потому, что "француженки по ремеслу" стали переходить на преподавание других языков, и уже не имели времени упражняться по-французски. Никакой пропаганды никогда не было — уже в силу моего характера: я никогда и ни в чем не возьмусь доказывать словами то, что словами не доказывается, а "внушать", "обращать" — противно моей природе. Тот единственный раз, когда я говорила со следователем (Драгуновым), он сказал, что "студенты" под моим влиянием стали "разлагаться", что они называли меня Мессия, и что в мои именины устраивали торжественные собрания, — а на деле: нынешние студенты по-франц<узски> не говорят (и в Тоуег им нечего делать, скучно), в записочке (поздравительной) одна пожилая француженка назвала меня Меценатом (а не Мессией), а 17/30 сент<ября> так много именинниц, что устраивать какие-либо собрания — невозможно. В подтверждение своих слов след<ователь> Драгунов сослался на 2 моих студенток: из них одна была у меня несколько раз, но всегда утром; как депутатка курса у заведующей отделением; другая сама

назвалась (через нашу Pre'sidente) прийти и была один раз, именно в мае 1925, и я помню заглавие книги, о кот<орой> тогда говорили (методика фр<анцузского> яз<ыка> Шмидта). — Заходил иногда у нас разговор о регистрации, и К. Н. Державин (случайно зашедший за книгами из библи<отеки> моего брата), мой бывший ученик и представитель Вокса, сказал, что возьмет кружок под покровительство Вокса и предложил, чтобы Pre'sidente зашла к нему; она не удосужилась; потом я попросила К. Н. написать (летом 1929 г<ода>) нам устав; осенью он сказал, что забыл, и я — забыла.

Я арестована 27 июня 1930 г<ода> (на квартире мне прочитали приговор о высылке в Сибирь на 3 года), пришла в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>, где провела год (до 24 Июня 1931 г<ода>). За это время я похудела вдвое, сердце ослабело, на руках — желтые пятна, ноги отекают, волосы стали белые, как вата; когда я плачу, левый глаз плачет не слезами, а гноем (у меня от природы очень плохое зрение, я никогда в жизни не ездила одна по жел<езной> дороге: вот что особенно страшит меня в предстоящем путешествии). Но мне горько не это, а горько то, что я не сберегла библиотеку моего брата и разрушено все, что он так любил!

24-го Июня 1931 г<ода> мне сказали в ДПЗ — "собирайтесь с вещами", — и на другой день я узнала, что должна буду продолжать свое путешествие в Зап<адную> Сибирь. И думается мне: не достаточно ли уже я потерпела без всякой вины, не найдется ли милости и для меня, не заступитесь ли Вы, глубокоуважаемая Екатерина Павловна? Помогите мне. Все, что я написала — правда: я вообще не прибегаю ко лжи.

Должна еще прибавить, что в бытность мою в ДПЗ меня вдруг 15/IX вызвал новый следователь. Думая, что вопрос о Тоуег, я рассказала ему все вышеизложенное. Выслушав меня, он сказал: "Что Вы мне говорите о Вашем дамском кружке?! Расскажите лучше о том монархич<еском> обществе, кот<орое> Вы устроили среди учеников Вашего брата". На мои слова, что некот<орые> ученики и ученицы моего брата — во внимании к моему великому горю — бывали у меня в день его кончины, что мы поддерживали его память (память чистого во всех отношениях человека!) докладами о книгах все той же библи<отеки> моего брата, и что это было в первые годы (25, 26, 27), а потом почти кончилось: бывали какие-ниб<удь> наши старые знакомые (теперь уже старушки), кот<орые> знали, что 29-го числа меня можно наверно застать дома. — Он сказал: "Нет, это неправда; я допрошу учеников Вашего брата и потом (с ударением:) заставлю Вас признаться, что это был политический салон". После этого он меня не вызывал... Спрашивал ли других кого-либо, не знаю.

В апреле 1931 г<ода> (кажется) у Главноуполномоченного сказали моей сестре: "В. К. Петрова сидит по другому делу". Какое это дело, я опять не знаю, хотя знаю, что у меня нет и не может быть никаких политических дел. Пожалейте меня, глубокоуважаемая Екатерина Павловна! Укажите, что можно сделать для облегчения моей участи, где и как хлопотать. Быть может, Вы со своей стороны предпримете какие-нибудь шаги, чтобы мне помочь. Я должна выехать 5-го июля, чтобы 10-го быть в Новосибирске.

Если возможно, пожалейте меня.

С искренним уважением

В. К. Петрова

Ленинград.

Вас<ильевский> Остр<ов>,

12-я л<иния>, 31⁶, кв. 22.

Фамилия моей тетушки Александра Петровна Токоревская»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 605. С. 173-176. Автограф.